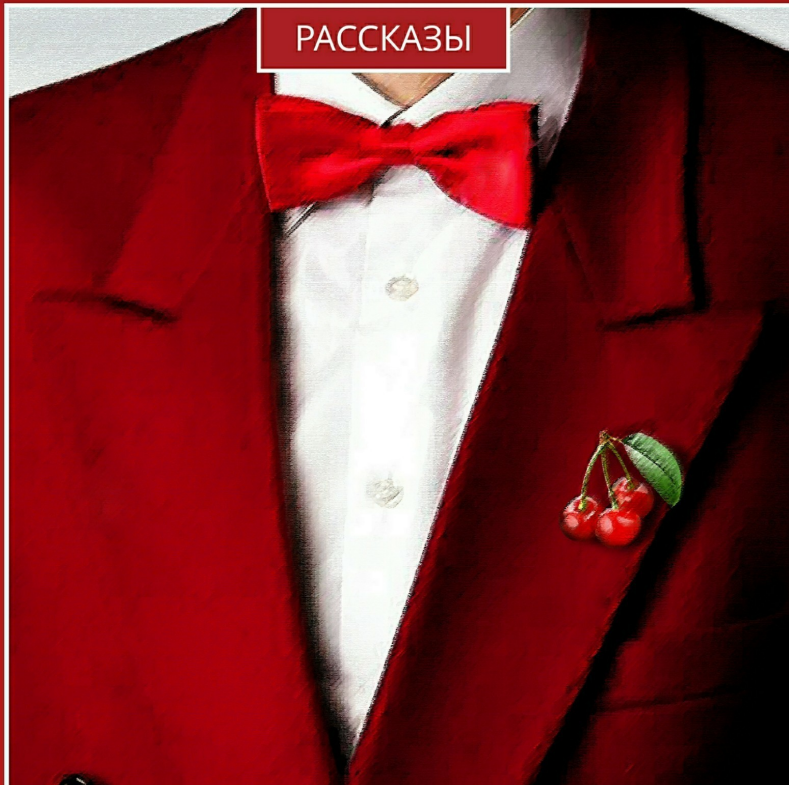

ВЯЧЕСЛАВ КАМИНСКИЙ

Как я не стал миллионером

РАССКАЗЫ

Вячеслав Романович Каминский

Как я не стал миллионером

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28947735

SelfPub; 2018

Аннотация

В книгу вошли рассказы под циклом "Как я не стал миллионером" о "веселых" 90-х годах, когда многие из нас мечтали разбогатеть, но, увы, не у всех это получилось. И сегодня мы с улыбкой и иронией вспоминаем о том непростом времени. Рассказ "Враг народа" посвящен моим родителям. Эта невыдуманная история произошла с ними в самом конце сталинского режима на Камчатке и является еще одним подтверждением того, сколь опасно возрождать сталинизм. В книге имеются юмористические рассказы, навеянные моей работой в море, а также попытка опробовать себя в жанре фантастики.

Операция «Вишневая косточка»

Эта невыдуманная история случилась в те еще не очень далекие «веселье» 90-е годы...

В дверь тихо, но настойчиво постучали. Два длинных, два коротких и снова один длинный. Как договаривались.

– Свои, – зачем-то шепотом сказала Лена и пошла открывать. На пороге стояла Светлана с увесистой матерчатой сумкой.

– Сколько? – заговорчески спросила ее хозяйка квартиры.

– Триста пятьдесят... – также заговорчески ответила та и высыпала на стол содержимое. Зелёные, жёлтые, фиолетовые бумажки, с многочисленными нулями, словно мятые фантики от давно съеденных конфет, разлетелись по его лакированной поверхности.

– Господи, куда ж мы это все складывать будем? Нельзя было хотя бы покрупнее купюры найти? У тебя ж тут одни пятёрки да десятки, – стала возмущаться Лена.

– Где я тебе покрупнее найду, – огрызнулась гостья. – Какие дали... Мне ещё пятьсот тысяч где-то найти надо. Уже не знаю, у кого просить...

– А, может, хватит, – вмешалась в разговор ещё одна гостья – Зинаида. – Убьют его ещё там с такими деньжищами.

– Не убьют, – уверенно заявила Светлана и вытащила из сумки пистолет.

– Настоящий? – ахнула Лена. – Да нет, – засмеялась Света, – газовый. Так, попугать, если что...

– Да вы с ума сошли, – забыв про конспирацию, закричала Лена. – Если так всё серьезно, я вообще Сережку никуда не пущу... Пистолет они ещё ему суют. Да его за один этот пистолет посадить могут...

– Да не кричи ты так, – попыталась успокоить хозяйку квартиры Светлана. – Это так, на всякий случай. Всё будет нормально. Мы что, одни такие умные? А если будем вот так сидеть и варежкой щёлкать, то ... – Она махнула рукой, не договорив. – Мне что ли вместо твоего Сергея ехать? Я бы и поехала, да со службы не отпустят.

– И меня не отпустят, – поддакнула Зинаида. – Скажите спасибо, что я вам такую классную идею подбросила. Могла б ведь и одна справиться.

– Ага, могла, – поддразнила подругу Света. – Где б ты такие деньжищи одна раздобыла? А машину? Думаешь, мне так просто было с начальником военторга договориться, чтобы он нам этот рефрижератор дал?

– Ну, а Олег... Пусть он едет, – заступилась за своего мужа Лена.

– Вот уйдет в запас, тогда пусть и ездит. А пока ему по рангу не положено... – сказала Зинаида. – Короче, сколько тут у нас?

– Четырнадцать миллионов триста семьдесят тысяч, – посчитав в столбик прямо в той же тетрадке, куда вносила все

полученные от друзей деньги, сказала Лена.

– Сколько там ещё не хватает? – спросила Светлана.

– Пять миллионов шестьсот тридцать тысяч. Миллион триста должна ты, два миллиона семьсот Зинаида и миллион шестьсот я.

– Пошли искать, – сказала Светлана, и подруги вышли из комнаты, оставив Лену с ее миллионами...

2

Вообще-то, если по-честному, все придумала не Зинаида, а Олег. Ну не мог он спокойно смотреть на то, как все вокруг него вдруг стали стремительно богатеть, в то время как он, вот уже второй месяц сидит без зарплаты и лапу сосет. Особенно его раздражал сосед по дому Геннадий. Еще совсем недавно этот Геннадий чуть ли не каждую неделю рупь у него клянчил до полочки, а сегодня он гвардии капитан Чистяков вынужден кланчить пару-другую тыщенок у этого, заметно раздобревшего и лоснящегося от достатка, новоиспеченного бизнесмена. И тот дает... Для него это – мелочь, семечки... пыль. Конечно, деньги сейчас не те, что раньше: килограмм картошки – тыща, масло – три... Не в этом дело. Как ему так подфартило, этому Геннадию. Был голодранец, попрошайка, а сейчас – машину купил БМВ, дом строит, в Польшу чуть ли не каждый день ездит. Приоделся. Кожаное пальто, пиджак двубортный малиновый...

Да разве он один такой. Вон, сколько этих деловых разве-

лось. И ладно бы что-то делали, строили. Нет, так... торгаши. Купи-продай. Как-то за бутылкой коньяка Олег раскрутил этого Геннадия на откровенный разговор, мол, как тебе удалось такие бабки за полгода сколотить. Тот по-пьяни и раскололся.

– Я, – говорит, – газировку из Польши в Россию гоняю, туда – подальше, аж, за Урал. С одной фуры двадцать лямов навару. А мы в неделю таких фур по пять-шесть штук гоним. У них там, в Толкмицко, газированный завод только на нас и пашет. В месяц полмиллиарда выходит. Нормалек.

Цифра эта тогда Олега просто сразила. Полмиллиарда! В месяц!... Каким жалким в этот момент показался он себе. Потомственный офицер, белая кость. На сигареты не заработал... В доме – шаром покати. Жрать нечего... А этот на сладкой водичке миллиарды гребет...

Нет, так дело не пойдет. И если государство о нем забыло, то он сам о себе позаботится. Понятное дело, что газировку за Урал, как Геннадий, он возить не станет. Во-первых, никто за границу его так просто не выпустит, а во-вторых, там, как он понимает, все уже давно схвачено. Видел он этих крепких с наеденными загривками бычар, сопровождающих фуры. Но можно же что-то и другое придумать...

Идею подсказала его сослуживица Зинаида. Даже не она, а ее хахаль Михай. Парень крепкий, здоровый, молодой. Зина его лет на десять старше, а может и больше. Пригрела морячка, после рейса, пожалела... У того ж – ни кола, ни двора.

Кантуется бедолага в МДМе (Межрейсовом доме моряков) от рейса до рейса. А там – понятно что... Бардак. В море уйдешь, а вернешься – от твоих пожитков рожки да ножки... Все растащат, хоть в комнате держи, хоть в камере хранения – один черт. Вот она и предложила ему жить у нее. А что? Женщина она свободная, разведенная, со своей жилплощадью. Имеет право! Тем более, зарплату, который месяц не дают. Денег нет. А у нее есть? Спасибо Михай еще что-то на пропитание дает. Только на долго ли? В рейс его пока не зовут, а те деньги, что он в прошлом рейсе заработал, они уже почти съели...

Вот как-то за рюмкой чая, уж не помнится и по какому случаю собрались, Михай и скажи:

– Блин, весна на дворе, у нас уже вишни цветут, миндаль. А у вас тут дождь, слякоть, снег... На улицу выходить не хочется.

– А где это у вас? – отставив рюмку, спросил Олег.

– В Закарпатье. Город есть такой – Мукачево, – ответил тот. – Может, слышал?

– Слышал, – ответил Олег. – И что у вас там, в Мукачево есть?

– Все есть. У нас уже в мае черешню на каждом углу купить можно.

– Да ну, – искренне удивился Олег. – И дорого?

– Копейки. Она у нас почти ничего не стоит. В каждом дворе растет.

– А у нас? – оживившись, обратился Олег к Зинаиде.

– У нас... – многозначительно произнесла та. – Во-первых, у нас ее днем с огнем не купишь. Дефицит. А во-вторых, и стоит она ого-го сколько.

– Ну, а сколько? – не унимался Олег.

– В прошлом году я на рынке по две тысячи за кило покупала, – встряла в разговор молчавшая до этого Светлана, ей тоже хотелось поучаствовать в разговоре, показать свою осведомленность. – В этом наверно еще дороже будет.

– Вот, – обрадовался Олег. – Вот, это то, что нам надо!

– Значит, вот что, Михай, – хлопнул он по плечу морячка, – давай-ка ты дуй к себе домой в Мукачево.

– Чего это ты его гонишь, – запротестовала слегка захмелевшая Зинаида. – Он мне и здесь сгодится...

– В общем, ты едешь к себе домой, в Закарпатье, – не слушая ее, продолжил Олег, – и договариваешься на месте, у кого можно оптом купить эту самую черешню.

– Сколько килограмм? – неуверенно спросил Михай.

– Каких килограмм, – замахал руками Олег. – Тонн.

– Тонн? – тут ахнула уже Зинаида.

– Тонн! – повторил Олег. – Ручку давай. И бумагу, – и он стал что-то быстро писать.

– Вот приблизительный расчет. – Олег сделал многозначительную паузу. – В фуру вмещается приблизительно полторы тысячи ящиков по 15 кг. Я узнавал. Это около пятнадцати тонн. Ехать в Мукачево максимум пару дней. Столько

же обратно. Ну, еще день-два на погрузку. Допустим, оптом кило черешни стоит максимум тысячу рублей. Это пятнадцать миллионов.

– Сколько? – опять ахнула Зинаида.

– Ну, за аренду фуры пару миллионов, – не обращая на нее внимания, продолжил озвучивать свой план Олег. – За тару, бензин, другие непредвиденные расходы еще набросим три лимона. Итого – двадцать миллионов рублей, – подытожил он свой расчет. – Деньги на бочку, господа.

Но господа только весело рассмеялись. Откуда? Да они таких денег, отродясь не видали, не то, чтобы в руках держать.

– Что ж, будем искать, – невозмутимо сказал Олег. – Должны ж они у кого-то быть.

3

Поговорили и забыли. У Олега всегда какие-то фантастические идеи в голове. Особенно, когда выпьет. Ан не тут-то было. Через два дня он зашел к Зинаиде и вынул из потертого саквояжа увесистый сверток.

– Моя доля! – торжественно изрек он. – Пять миллионов. Теперь дело за вами.

– Ты что, серьезно? – опешила Зинаида. – Я думала, ты шутишь...

– Какое – шутишь, – рассердился Олег. – Куй железо, пока горячо!

Он, не разуваясь, прошел на кухню.

– А где твой морячок? – обратился к Зинаиде.

– Откуда я знаю. С мужиками, наверное, пиво пьет.

– Правильно, – усмехнулся Олег. – Мне это только надо.

Все ж у нас богатые... Билеты хоть купил?

– Куда?

– В Мукачево, куда... Слушай, Зинаида, я не шучу. Поверь, дело верное. Мы на этой черешне очень даже неплохо заработать можем. Давай, не мешкай. А то пока мы будем чесаться, уже и черешня кончится...

4

Мысль о возможности заработать шальные деньги, особенно, когда нет никаких, заставила подруг шевелиться. Михая быстренько спровадили на историческую родину следить за ходом созревания ягод. Сами же подруги, не теряя времени, активно занялись поисками недостающих миллионов. Дело потихоньку шло.

Но тут встал другой вопрос: кто поедет за черешней? Ни Олега, ни Зинаиду со Светланой, как военнослужащих, на неделю никто бы так просто не отпустил. Тут-то и вспомнили про Сергея. Олег с ним познакомился в редакции газеты «Страж Балтики», куда периодически носил свои корявые, хотя этого и не замечал, стихи. А Сергей, будучи старшим корреспондентом отдела культуры и быта («старики» называли его «сбыта») доводил их до ума. Не Пушкин, конечно, но складно. Сергею нравилось. После правки стихи выгляде-

ли действительно как-то солиднее, причесанней, что ли. Он даже книжку собирался издать. Спал и видел: такой, не очень большой, но солидный томик стихов. Избранное. А чуть выше золотом: Олег Чистяков. Да, очень ему этого хотелось. Очень. Пока его стихи не попались на глаза местному писателю-маринисту Валентину Зорину. Тот и сам частенько печатался в «Стражухе». А тут как-то забежал в редакцию и, искренне посочувствовав Сергею, мучавшемуся над очередным опусом Олега, предложил свои услуги:

– Дай, – говорит, – я над ними малость поработаю...

И поработал...

В тот раз Олег впервые не узнал своих стихов. Нет, вроде бы и смысл тот же и даже некоторые слова похожи. Он даже нашел одну строфу точно такую же, как у него. Но только одну!... Стихи были действительно красивые, образные и даже в чем-то мудрые. Но не его. Разве за исключением той, единственной выстраданной им строфы... Но фамилия стояла его – Олег Чистяков.

От нахлынувших чувств он тогда даже речь потерял. И только кряхтел и повторял:

– Нет, ребята, ну вы даете... – и расстроено качал стриженной головой.

После того случая у него даже поэтический зуд на время пропал. Может, впервые он ощутил разницу между стихами настоящих поэтов и графоманов. Но, тем не менее дружить с Сергеем не перестал. Даже не обиделся на него. В конце

концов, откуда тому было знать, какие невероятные превращения в руках известного литератора претерпят его скромные вирши. Ну, а потом ему уж самому пришлось выручать друга, когда того поперли из редакции. Вернее, сократили. Как самого молодого. Как раз накануне назначения в газету нового редактора.

О чем ему доверительно, положив на плечо маленькую гладенькую ручку, поведал Саша Канецкий, замредактора.

– Ты, брат не расстраивайся, – почти шепотом говорил он. – Мы ж знаем, какой ты классный журналист. Одни фельетоны чего стоят... Но пойми, ты у нас всего пять лет проработал. Меньше всех. Вот по КЗОТу и попадаешь под сокращение. Но ты не сдавайся, судись... Мы на твоей стороне. Что нам, хорошие журналисты не нужны?

Но Сергей судиться не стал. Зачем? Во-первых, бессмысленно, а во-вторых, даже если бы он вдруг выиграл эту тяжбу, то как потом, скажите, здесь же оставаться работать? Ведь для нового редактора, который его раньше знает – то не знал, он так и остался бы просто сутягой. И тут никакие фельетоны не помогут...

Вот Олег тогда и нашел ему работу. Устроил начальником отдела писем в гурьевской районке «Заря коммунизма». Оказывается он и туда частенько отсылал свои выдающиеся творения. И если в «Стражухе» к его творчеству относились с некоторой настороженностью, неделями держа в редакторском столе уже правленные гранки, то в «Заре коммунизма»,

напротив, радовались, чуть ли не каждому его опусу. Особенно, что касалось праздничных дат, годовщин, юбилеев, а также всяческих ультра важных мероприятий, как начало посевной, сбор урожая, конкурс на лучшую доярку, свиначку, комбайнера... Короче, писать было о чем...

Но с падением коммунизма и его, не оправдавших высокого доверия, партийных лидеров, газету закрыли. Сергей снова оказался на улице. Подхваченный угаром всеобщего предпринимательства даже создал собственное МП «Орбис», в штате которого числилось аж два человека: он и военный пенсионер Борис Ковалев, с кем Сергей какое-то время поработал в рекламно -информационном агентстве «ОКО». «ОКО» это тоже, немного поморгав, гавкнулось... А Борис остался.

5

Но мало иметь собственное предприятие, пусть даже и малое. Надо, чтобы оно приносило хоть какую-то прибыль. А с этим было пока не очень. Нет, кое-что удавалось иногда заработать. Особенно на бланках. Активная предпринимательская деятельность вынуждала молодых и мало что смыслящих в бухгалтерии бизнесменов закупать тоннами всякую бумажную продукцию: счета, накладные, платежки, и прочую макулатуру. Вот эту макулатуру Сергей и производил. Не сам, конечно, а с помощью той же гурьевской типографии, которая после кончины газеты вообще большую часть

времени простаивала. Сергей же с Борисом искали по всей области заказчиков этих самых бланков, договаривались, по количеству, цене с учетом своих интересов. Куда и когда доставить. Короче, и сами что-то зарабатывали, и типографии с голоду умереть не давали. Конечно, в этой не такой уж длинной цепочке они были явно лишним звеном. Но, как ни странно, самым нужным. Поскольку сама типография в силу своей многолетней совковости пальцем о палец не ударила, дабы найти себе новых клиентов. Что же касается молодых предпринимателей, то им в процессе зарабатывания не больших, а очень больших денег, отвлекаться на такие пустяки, как поиски типографии, не было ни времени, ни желания. Тем более что многие из них даже не знали, откуда берутся эти бланки и кто их вообще делает...

Тем не менее, дела шли не очень, чтобы очень. И, немного поломавшись, для виду, Сергей согласился участвовать в операции, которой друзья уже и название придумали «Вишневая косточка». Конечно, правильной было бы назвать «черешневая». Но «вишневая» звучало солиднее.

Олег и убедил Сергея ехать в Мукачево. Не женщин же, в конце концов, посылать, тем более они девушки подневольные: одна прапорщик, другая – мичман. А Сергей – сам себе хозяин, ни от кого не зависит... Он и согласился.

И теперь был не рад. Их с Леной семейное гнездышко, на время сданное им по сходной цене давнишней знакомой Яной, превратилось в тайную штаб-квартиру. С конспирации-

ей и прочими революционными штучками: паролями, явками, пришептыванием... Но чем больше в доме появлялось чужих денег, не весть у кого занятых друзьями -компаньонами, тем страшнее становилось Сергею. Как? В чем повезет он все это богатство? Чемодан что ли брать? Что б сразу всем стало ясно: кто он, откуда, и что у него лежит там, в чемоданчике... Доллары, небось...

– Зачем чемодан? Ты в баню, что ли собрался, – съязвила Зинаида. – Мы тебе пояс сошьем, секретный. Туда все и спрячешь.

И действительно через день пришла со свертком, развернув который продемонстрировала окружающим чудеса кройки и шитья. Не зря, видать, курсы оканчивала. На широкое, но достаточно плотное полотнище были нашиты крошечные кармашки. Но много. По всему периметру длинного, схожего с испанским, пояса. Причем, в два ряда...

– Вот сюда мы наше богатство и распихаем.

И что самое удивительное, действительно распихали. Пояс, правда, сильно раздулся, так что примерять его Сергею помогали все члены тайного общества. Сам же Сергей в обновке стал смахивать на маленького, щупленького, но заметно раздувшегося к низу диснеевского гномика. Только колпачка не хватало. И бороды...

Все в один голос расхохотались. Потому что не смеяться было выше всяких сил.

– Ничего, сейчас на живце подгоним, – успокоила всех

Зинаида. – Здесь подтянем, здесь ослабим... Сверху курточку наденем.

– Вообще-то там, по прогнозу за двадцать, – попытался заступиться за себя Сергей.

– Потерпишь, – невозмутимо заявила Зинаида. – Ради дела то... ради нашего.

И снова все засмеялись.

– Не к добру все это, – заметила Светлана. – Смеяться бы потом надо.

– Не каркай, – оборвала ее Зинаида.

6

Наконец все к дальнему походу было готово : деньги собраны и разложены по газырям – цилиндрическим карманчикам секретного пояса, пугающего Сергея своими устрашающими размерами. Все необходимые ЦУ получены: куда ехать, к кому обращаться. Какими кодовыми словами пользоваться в случае, если придется посылать телеграммы или звонить. Даже пистолет решили оставить. Не помешает...

– Куда, по какой дороге ехать – не переживай, водитель опытный, знает. Не раз в те края ездил, – успокоила Сергея Светлана. Она очень гордилась тем, что, будучи завскладом в военторге, сумела договориться с начальством откомандировать в Мукачево рефрижератор с водителем.

– Все равно простаивает, возить нечего, – уговаривала она капитана Гудкова. – А так хоть на зарплату себе зарабатывает...

И себе, и шефу...

Последний аргумент оказался самым убедительным, поскольку капитан Гудков уже который месяц жил без зарплаты. Склады были пустые. И давно. Все, что можно было загнать, в смысле списать (летные куртки, ГСМ, даже полевую кухню. Кому она, правда, понадобилась?), все это он давно уже распродал каким-то ребятам из Чечни. В последнее время их в Калининград много что-то понаехало. И денег полно. Не то, что у наших...

– Ты только смотри, чтоб он там не попался с вашей черешней. Мне неприятности не нужны, – предупредил капитан Светлану.

– И мне не нужны, – заверила та шефа. – Да вы не переживайте, Сергей Иванович. Все будет тип-топ. У меня тут столько всяких липовых накладных, путевых листов. И из Львова, и из Харькова, и из Хабаровска.

Короче, уговорила. Машина была в полном ее распоряжении. На две недели. С водителем.

Осталось только дожидаться отмашки от засланного в Мукачево казачка, то есть Михая. А ее все не было ... и это создавало среди компаньонов какую-то нервозность. Что делать? Ехать? А вдруг – рано? А, если приедем уже к шапочному разбору, тогда что? Холостой выстрел? В общем, нервы не выдержали, и на очередной оперативной сходке было решено единогласно – пора...

Машина стояла под парами. Шофер, здоровенный дядька с длинными взлохмаченными кудрями, уже заметно поблекшими, и выдающимся пузом, широким жестом пригласил Сергея в просторную кабину, всю обклеенную голыми красотками из Плейбоя.

– Что это у вас за интерьер? – удивился Сергей. – Не мешает?

– Наоборот, стимулирует, – объяснил водитель. – Я ж как будто к ним на свиданку еду...

– Вообще-то нам в Мукачево, – напомнил Сергей.

– Да знаю, – сказал водитель и протянул попутчику широкую, по-настоящему мозолистую ладонь. – Николай.

Первые же минуты езды в кабине грузовика дались Сергею с трудом. Даже на ровной дороге машину ощутимо подбрасывало. И от этой тряски плотно спрессованные и расфасованные по отдельным кармашкам дензнаки, подобно жесткой наждачке, стирали в кровь спину, бока и даже живот... Сергей понял, что долго так не выдержит. Но старался держаться, лишь корча мучительные гримасы при каждом толчке рефрижератора.

– Что, неудобно с непривычки? – спросил его водитель.

– Да нет, ничего... – стал оправдываться Сергей.

– Ты бы пояс свой снял... – Николай как-то хитро улыбнулся... Он явно о чем-то догадывался...

– Какой пояс? – Сергей сделал невинное лицо. Мол, не

понимаю, о чем это вы, дядя.

– С деньгами! – Николай хитро взглянул на своего несчастного попутчика и расхохотался.

– А откуда вы знаете? – сразу же раскололся Сергей.

– Что ж, ты один такой умный? – Николай продолжал откровенно подсмеиваться над своим горе-пассажиром. – Все так прячут... Что поменьше – в трусы, что побольше – в пояс. Или ты хочешь сказать, что без денег едешь? Так что давай, разоблачайся. Мне тебя в Мукачево еще живым довести надо.

Николай оказался веселым, словоохотливым и очень добродушным парнем. Он не только помог Сергею освободиться от безжалостно опоясавших его брэнное тело денежных пут и аккуратно сложить их на дно выдавшего вида саквояжа, но и смазал пунцовые потертости попутчика каким-то особым барсучьим жиром, который всегда возил с собой в качестве лекарства почти от всех болезней. Другое же снадобье, которое способно было излечить от всего остального, Николай в дороге старался не употреблять. Хотя и любил. Когда же выяснилось, что Сергей, как и он, когда-то ходил в море, то уже не мог сдержать нахлынувших чувств и воспоминаний. Память у него была великолепной. Так что дорога оказалась нескучной. Но утомительной.

пологими горами он разлегся, как сладкий пирог на блюде: весь такой чистенький, аккуратненький, тихий... Почти неживой. И только дурманящий запах, долетавший из многочисленных кофеен, напоминал о присутствии жизни.

Николай остался охранять свой, запыхавшийся от многокилометровой пробежки рефрижератор, что б его, не дай бог, на запчасти не растащили, а Сергей пошел искать Михая, который за все это время так на связь ни разу и не вышел. Затаился...

Идти по узким извилистым улочкам незнакомого города с саквояжем, туго набитым миллионами, было не то, чтобы боязно, – страшно. Даже несмотря на яркое весеннее солнце, беззаботно сияющее на девственно чистом небосводе. Но все, как ни странно, обошлось. Случайные прохожие, к которым он обращался помочь найти заветный адрес, где проживал Михай, содержимым саквояжа почему-то не интересовались, а вежливо и обстоятельно объясняли ему, на чем ехать, куда идти и где сворачивать.

Когда ж он, наконец, добрел до нужного дома и радостно нажал выдавшую виды кнопку звонка, то в ответ услышал лишь продолжительную трель, отдаленно напоминающую соловьиную. Он уже и палец чуть не сломал, настырно и долго трезвоня, но все впустую.

Михай появился внезапно, когда Сергей уж потерял всякую надежду с ним встретиться и тихонько дремал на холодных ступенях узкого коридора, крепко прижав к груди за-

ветный саквояж... Что-то ему подсказывало: не все так уж хорошо, как виделось им там, дома, в Калининграде, и что совсем скоро начнутся проблемы.

Но чтобы так скоро...

– Вы что, уже приехали? – только и выдавил из себя Михай, с трудом узнав в сидящем на полу мужчине Сергея. Он явно был смущен и растерян неожиданной встречей. И тут же честно признался Сергею, как только они переступили порог квартиры что не выходил на связь только потому, что не знал о чем говорить. Мол, мало ли что он тогда ляпнул. Он этой чертовой черешней никогда в жизни не торговал и даже не знает, где ее можно купить. Притом в таком количестве. Мол, пускай Олег, раз он такой умный и все это затеял, сам занимается всей этой фигней. А я – пас.

Короче, операция «вишневая косточка» была на грани срыва. О чем Сергей тут же по телефону известил компаньонов. Мол, что делать? Приплыли, ребята. Казачок-то оказался не настоящий... Может назад ехать? Финита ля комедия?

– Никакая, не финита, – жестко возразил ему по телефону Олег. – Михаю мы еще уши надерем, но и паниковать нечего. В конце концов, у вас есть деньги. А это уже кое-что. Идите и ищите.

Но найти, а тем более купить пятнадцать тонн черешни оказалось не так-то просто. А точнее вообще нереально.

– Ну, хлопцы, вы и влипли, – честно сказал им директор рынка по фамилии Ненадо, когда Сергей с Михаем обрати-

лись к нему за помощью. Мол, помогите, Василь Михалыч, Христа ради купить оптом каких-то десять-пятнадцать тонн черешни. Где у вас тут прячутся ваши плодово-ягодные магнаты? Деньги у нас есть. Вы не думайте... – И для большей убедительности потрясли, словно шаман бубном, заветным саквояжем.

Но на директора рынка по фамилии Ненадо их саквояж не произвел никакого впечатления.

– Это ж надо так подгадать, – отсмеявшись, сказал он. – Приехать прямо в самое дурацкое время, когда первая черешня уже отошла, а вторая еще не поспела. Такая вот ерунда.

– И что ж мне с вами делать? – почесав лысеющую макушку, спросил своих неожиданных просителей Василь Михалыч. – Вот что, – подумав, сказал он. – Приходите – ка вы завтра на рынок. Да пораньше. Может, кто чего и привезет.

9

На следующий день Сергей с Михаем встали ни свет ни заря и, даже не позавтракав, помчались на рынок за черешней. Но, как оказалось – поздновато. Еще в дверях медленно просыпающегося рынка их встретила группа сердитых старушек, приехавших за свежей черешней, аж из самого Львова, и, не стесняясь в выражениях, предупредила, что им, козлам, здесь ничего не светит. И что они тут не то, чтобы тонны, килограмма черешни не увидят. Поскольку у них, у ба-

бушек-старушек, здесь все давно схвачено. А если кто чего не понял, то может и без башки остаться... Впрочем, все и так всё поняли и любовно разошлись.

– Ну, что, когда домой едем? – спросил Сергея, выползая из под рефрижератора, заспанный водитель. Было видно, что ночью он лечился не только барсучьим жиром.

Сергей только рукой махнул.

– Ясно, не скоро, – сказал водитель и полез под машину досматривать прерванный сон.

А Сергей с Михаем понуро побрели, помахивая постылым саквояжем, к директору рынка. Благо он уже был на месте. Они совершенно не знали, что им теперь делать, но ждали какой-то поддержки.

На этот раз директор рынка был уже не так радушен, как накануне. Ему и хотелось бы помочь этим несчастным бизнесменам, но он тоже не знал как. И от этого ощущал свою неполноценность. Какой он, к черту, директор рынка, раз не может предложить за реальные рубли, а не какие-то там дрянные карбованцы, достойный товар.

– Слушай, а может их к нам на завод отвезти? – вдруг подал голос из дальнего угла кабинета маленький серенький человек, которого до этого никто и не замечал. – Пускай они у меня «Тамянку» купят. Или «Биле мицне». У меня этой радостью все подвалы затарены.

Все тут же, как по команде, с надеждой и даже некоторым облегчением взглянули на прячущегося в тени мужчину, ко-

торый как-то так сразу вдруг заполнил собой все пространство кабинета.

– А что, – обрадовался Ненадо. – Почему б вам действительно не затариться вином. Григорий Львович вам поможет. У нас в Закарпатье, знаете, какие вина. У! Лучше французских.

Все молча согласились с утверждение директора рынка, поверив ему на слово. Да и чего спорить, когда никто из них и французского-то вина, отродясь, не пробовал, не то, чтобы закарпатского... . Когда за любой бормотухой в том же Калининграде такая очередь выстраивается, что, дай бог, невредимым выползти, да еще с целым пузырем.

Так что предложение директора винзавода тут же нашло всеобщую поддержку. Конечно! Какой вопрос! Да это же будет еще круче, чем какая-то там кислая ягода. Спрос на такой товар куда востребованней. С руками оторвут. К тому же, в отличие от черешни, вино не портится. Не успевает...

Сергей, правда, для важности, задал винзаводчику каверзный, как ему казалось, вопрос:

– А что, здесь ваше вино берут плохо? Может, качество не то?

Он даже припомнил, что среди любителей плодово-ягодных, или как их чаще называют выгодных, вин, у «Биле мицне» есть свое презрительное прозвище «Биломицин».

Но директор винзавода только презрительно хихикнул.

– Ну, наше «Биле мицне» то, что надо «Биле мицне»!

Придем на завод – дам попробовать. От бочки не оторветесь. А плохо берут, потому, что у нас тут в Закарпатье у каждого дома своя винокурня имеется, будь она неладна. Зачем им еще наше... добро.

Потеряли мы с этой чертовой перестройкой старых клиентов. А новых, пока тю-тю, не нашли. Да что говорить... – махнул он рукой.

– Ну, что, завтра я заеду за вами, поедем мои погребца посмотреть. По рукам?

10

Сергей был на седьмом небе от радости. Ну, винзаводчик, ну, молодец. Сразу видно, деловой мужик. Толковый. Да пошла она к черту, эта паршивая черешня. Вино! Настоящее закарпатское вино! Вот это товар! Вот это бизнес! Вот на чем заработать можно! И уж побольше, чем на этой скоропортящейся кислятине.

Утром за ними заехал старый потрепанный газик. Но на Сергея и он произвел впечатление. Никто еще за ним никогда не заезжал на персональной машине. Пусть даже эта машина – «козёл». И, не допив горячий чай, выбежал из дома на улицу.

– А деньги! – Михай высунулся в окно, размахивая саквояжем. – Ты деньги забыл! – Сославшись, на какую-то важную встречу, сам он отказался ехать на винзавод.

– Сам справишься, – напутствовал он Сергея. – От меня

все равно никакой пользы.

Через полчаса машина была уже на месте. Водитель по-сигналил, и перед ними, словно заветный Сезам, распахнулись тяжелые зеленые ворота. Там, за этими воротами, хранились несметные винные сокровища. Правда, сам двор, заставленный какими-то странными – Сергей сроду таких не видал – ржавыми машинами, выглядел не очень-то презентабельно.

Но им уже наперерез спешил все в том же сером пиджаке, несмотря на жару, обмахиваясь смятой газетой, директор винзавода Григорий Львович Бойко.

– Ну что, пойдём осматривать наши владенья? – даже не поздоровавшись, предложил он. – А где ваш компаньон?

– Приболел, – соврал Сергей.

– Да, смелые вы, однако, ребята, – зачем -то сказал Григорий Львович и покосился на сумку с деньгами... – Ну что, пошли?

Крепкий мужик, смахивающий на Джина из восточной сказки: лысый, с усами, но в штанах и вышитой рубахе, со страшным скрипом открыл перед ними двери в святая святых – винохранилище. Сергей, правда, успел до того, как ворота за ними захлопнулись, прочесть потрескавшуюся и некогда покрытую сусальным золотом табличку, сообщающую о том, что это хранилище – подарок строителей ДСУ № 5 славным виноделам Закарпатья. И что приурочен сей подарок к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Для пу-

щей убедительности профиль вождя был обвинен виноградной лозой. Завершала композицию античная амфора.

После уличной жары здесь было очень даже уютно. Смешавшиеся запахи благородных вин кружили голову, а огромные дубовые бочки одними своими названиями: «Роза Карпат», «Каберне», «Изабелла десертная» гипнотизировали и завораживали. Но Сергей старался держаться и даже пытался задавать своему провожатому какие-то, как ему казалось, умные вопросы. Дескать, а что это за подвал? Почему тут так влажно и холодно? И как долго и куда он тянется?

На что директор винзавода, как и подобает хозяину заведения, подробно и обстоятельно объяснял своему новому визави, что этот подвал зовется винохранилищем. Что прорыт он в скале метростроевцами аж на километр с гаком. И что именно вот такая высокая влажность и постоянная низкая температура создают идеальные условия для хранения вина и делают его по-настоящему благородным напитком. А не какой-то там бормотухой.

– А вот эта бочка, – директор ткнул пальцем в огромную металлическую емкость, – ее мы называем «ракета», вмещает аж 82 тонны вина!

– Ого! – удивился Сергей. – И впрямь на ракету похожа.

– А это и есть ракета, – улыбнулся Григорий Львович. – Нам ее космонавты подарили. За то, что мы их нашим особым красным вином снабжали.

– Спаивали?

– Да нет, – снова засмеялся директор, – исключительно в лечебных целях. Наше вино лучше любого из человека радиацию и всякую другую гадость выводит. – Последние слова он произнес как-то особенно возвышенно.

– И что ж вы в этой царь-бочке храните? – спросил его Сергей.

– Ничего не храним, – сразу же как-то сник Григорий Львович. – Ржавеет. Уже лет десять. С самой перестройки. Как вся эта антиалкогольная кампания началась. Скоро вообще наш завод развалится, – Григорий Львович словно забыл, с какой целью пригласил к себе гостя. Ему вдруг захотелось просто выговориться перед этим заезжим коммерсантом, рассказать о наболевшем. – Вон, на хоздворе видал наших ржавеющих монстров? Когда-то мы на этих комбайнах по полторы-две тыщи тонн винограда в сезон собирали. А сейчас стоят никому ненужные. Их уже и не завести... Запчастей нет. И всё так. А ведь когда-то наша продукция для государства стратегически важной была. А сейчас и государства нет. Одна табличка осталась... – Он ткнул рукой в прибитую к стене покосившуюся рамку с едва различимой надписью, датируемой то ли 1975, то ли 1976 годом, о признании продукции завода лучшей в СССР. И бережно поправил ее.

– Ладно, соловья баснями не кормят, – словно очнувшись, сменил тему директор. – Пошли дегустировать товар.

– Пошли, – обрадовался Сергей, чуть ли не побежав к сто-

явшей поблизости бочке с вином.

– Э, торопиться не надо, – засмеялся Григорий Львович. – Мы ж не пить пришли, а дегустировать.

Он подозвал своего помощника, который неотступно, все это время следовал за шефом.

– Давай, накрывай поляну.

И тут же, как по волшебству, в сыром погребе появился и стол, и пара дубовых табуреток. И прозрачные склянки с разноцветными благородными напитками.

– Поехали!

Нежный янтарный божественный напиток упругой струей полился в стоящие перед ними бокалы.

Сергей уж готов было сделать первый глоток, но Григорий Львович остановил его порыв.

– Не спеши, так ты ничего не поймешь.

Он взял свой бокал и стал наклонять его в разные стороны, наблюдая, как по прозрачным стенкам стекают густые капли вина.

Сергей повторил жест.

– Видишь, какая хорошая ножка, – обратился к нему директор, показывая на оставшийся от вина след на стекле. – Не размазанная. – Он еще налил из той же колбочки уже в другой фужер и, выдохнув, стал медленно внюхиваться в содержимое.

– Это «первый нос», – объяснил он.

– А что, есть еще и второй? – удивился Сергей. Ему нетер-

пелось уже скорее пригубить манящий напиток.

– И третий, – продолжил мучить гостя Григорий Львович. – Сначала ты должен ощутить самые легкие летучие вещества, затем повертеть бокал, чтобы вино лучше насытилось кислородом и ощутить аромат раскрывшегося напитка, а уж потом, еще немного подождав, когда часть эфирных масел улетучится, ощутить окончательный аромат. И это ещё не всё! – С этими словами он пригубил вино из бокала и стал как-то смешно раздувать щёки, приоткрывать и закрывать рот, потешно шевеля влажными губами, жевать, жмуриться и делать множество разных комичных движений лицом. Одним словом – гримасничать. Сергей даже отвернулся, чтобы не прыснуть от смеха. Продемонстрировав гостю весь арсенал профессиональных приемов, директор вдруг к полному его удивлению, выплюнул изо рта все содержимое в услужливо подставленную помощником плевательницу.

– Ну, теперь ты, – обратился он к Сергею.

– Не, я так не сумею, – заартачился тот. – Давайте просто пить. Я и так пойму. Да и по-честному, какая разница, сколько там эфирных масел, какая кислотность и плотность. Главное – градус побольше. Ну и чтоб пилось приятно. И дешевле...

– Да, вот она культура питья, – вздохнул Григорий Львович. – Ну, давай, пей. И он щедро плеснул золотого вина в подставленный Сергеем бокал.

– Не, я один не могу, – возразил тот. – Давайте вместе.

– Ну, давай, – согласился директор. – За успех нашего безнадёжного дела.

Они чокнулись и отпили по глотку. Достаточно, чтобы ощутить вкус напитка. Вино было действительно приятным, даже без всех этих дегустационных заморочек.

– И как оно называется? – спросил Сергей.

– «Променисте», – ответил Григорий Львович. – По-русски значит «лучистое». В семьдесят втором году, между прочим, на всесоюзной дегустации столовых вин было признано лучшим. – Он многозначительно поднял бокал вверх.

– Бери, – решительно сказал Сергей.

Но Григорию Львовичу хотелось показать гостю весь свой товар лицом.

Поставили новые фужеры, и директор широким жестом разлил по ним вино из другой, стоящей на столе колбы.

– А это «Берегивське», – пояснил он. – Готовится из особого сорта винограда Рислинг итальянский. На международном конкурсе вин получило две серебряные и три бронзовые медали. – Он снова приподнял бокал, как бы приглашая гостя отведать напиток.

Попробовали и «Берегивське». Тоже оказалось ничего. Так же, как и «Середняньске», и «Рислинг Закарпатский», и «Боржавское столовое». Не зря ж все они в разные годы получали всесоюзные и международные награды. Как пить дать, не зря...

От столовых вин перешли к десертным: «Закарпатское»,

«Иршавское», «Биле десертно», «Отелло». Последнее Сергею особенно пришлось по вкусу, может, из-за названия.

Покончив с «Отелло», осушив его, вопреки законам дегустации, до дна, Сергей робко напомнил Григорию Львовичу, что, может, пора уже от слов, то бишь проб, и к делу переходить. Но у того в запасе хранилась еще целая обойма ординарных белых портвейнов, включая благословенное «Било мицне», и было бы грех все их не попробовать. Пришлось уважить хозяина. А то еще, не дай Бог, обидится.

Ну, вот и с портвейнами было покончено, и счастливые, но слегка захмелевшие компаньоны, хотя, вроде бы с чего было хмелеть, ничего особо и не пили, так, только дегустировали, направились в заводскую бухгалтерию выписывать счета и накладные на приглянувшийся товар...

Настроение у обоих компаньонов от плодотворно проделанной работы было приподнятым. Вот оно, чувство настоящего глубокого удовлетворения, о котором так любят писать газетчики.

– Надо бы обмыть сделку, – весело подмигнул директор завода. Похоже, ему хотелось продолжения банкета.

– Вот оформим все, тогда и обмоем, – парировал Сергей. Он тоже был не против снять накопившееся напряжение. Но только после того, как, наконец, избавится от содержимого, будь оно не ладно, своего постылого саквояжа. У него уже все руки от него болели... и даже спина, будто набит он был не бумажными банкнотами, а чугуном. Ну, ничего, недолго

осталось мучиться. Сейчас подпишут бумаги и все содержимое саквояжа, все эти миллионы переключают от Сергея в заводскую кассу. А взамен он получит самую крепкую, самую надежную российскую валюту... Двадцать тысяч бутылок! «Променисте» и «Закарпатьске», «Иршавське» и «Портвейн розовый», «Рислинг закарпатский» и, куда ж без него, «Биле мицне». Только как бы все это впихнуть, не в такой уж и вместительный, как оказалось, рефрижератор.

– Ну, давайте, что ли, оформлять сделку, – усевшись напротив главбуха и лихо закинув ногу на ногу, слишком громко для небольшого помещения (сказалась, по всей видимости, дегустация), произнес Сергей. Он расстегнул саквояж и прощальным взглядом окинул лежащие в сумке миллионы.

Но бухгалтер чего-то медлил, перекладывая бумажки с одного края стола на другой. Потом вдруг резко встал и чуть ли не бегом выскочил в коридор, оставив Сергея одного. Прошла минута... вторая... третья...

– Куда он запропастился? – Сергей уже начал нервничать.

И в этот момент в кабинет вошли директор с главбухом. По их лицам было件нятно, что за те несколько минут, пока они отсутствовали, случилось что-то ужасное.

– Тю, – сказал Григорий Львович и стукнул себя кулаком по лбу. – Я ж совсем забыл, – тут, как заправский артист он выждал паузу. – У нас теперь все можно купить только по купонам.

– По каким купонам? – не понял Сергей.

– По таким! – Директор полез в карман пиджака и вытащил оттуда, словно фокусник, какой-то смятый розовый листок, расчерченный на множество квадратиков. Посередине листа синела большая круглая печать. – Теперь мы торгуем только вот по таким фантикам. Карбованцам, будь они не ладны... Другая валюта нам не треба. – Директор не мог скрыть клокотавшей в нем злобы. – Ни доллары, ни фунты, ни рубли. У нас теперь своя незалежна валюта. Короче, ничего у нас с тобой, друг ситный, не выйдет.

– Как не выйдет, как не выйдет, мы же вроде обо всем договорились, – растерянно запричитал Сергей. – И по количеству, и по цене... – Он не мог поверить, что все вот так вдруг может мгновенно закончиться, как сладостный сон, который внезапно прервала зловещая трель ненавистного будильника.

– Ну, мало ли о чем мы договорились. – Директор старался держаться независимо. – Грошей-то у тебя нема. Вот это, – он похлопал по саквоюжу, – для нас не деньги. На черном рынке – деньги. И у частных – деньги. А у нас – нет. Мы ж государственное предприятие. Пока... Вот государство о нас и печётся. Бойтся, чтоб мы, не дай бог, кому чужому свой товар не сплывили.

Да, это был удар... Прямо под дых. Даже ещё ниже. Такого подвоха от, казалось бы, порядочного директора винзавода, с которым они только что так мило беседовали, попивая разные благородные напитки, Сергей не ожидал.

Что ж теперь делать? Что? Ни черешни, ни вина... Одни пустые разговоры. Все, пора домой возвращаться. Хватит с него этой коммерции. Сыт по горло. Сергей встал и, не попрощавшись, направился к выходу.

– Деньги забыл, – окликнул его директор, возвращая саквояж. Ему самому было очень неловко за случившееся. Да и терять такого выгодного клиента было тоже обидно.

– Сейчас я машину вызову, чтоб вас в город отвезли, – сказал он Сергею. – Вы уж не обессудьте. Такие, блин, времена.

– Времена не выбирают, в них живут и умирают, – вдруг произнес Сергей пришедшую на память, как нельзя кстати, строфу из стихотворения Александра Кушнера.

Все, хватит клянчить, хватит ныть, хватит заниматься тем, что тебе абсолютно не свойственно. «Большей пошлости на свете нет, чем клянчить и пенять...» Завтра же едем домой!

11

Но... Уже на обратном пути в город Сергея стали одолевать некоторые сомнения, постепенно переходящие в терзания: а, может, он и не прав... может, нужно еще чуток повременить. В конце концов, край-то богатый. Ну, пролетели они с черешней, ну с вином вышел облом, но что-то, же хорошее, нужное, полезное, выгодное здесь должно быть. Безусловно, должно! Но что?

...Эх, ГАЗ-69, эх, горный «козёл». Эх, чудо – машина! Все внутренности вытрясла... Куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа. Летит мимо всё, что ни есть на земле: горы, реки, водопады, лисы, косули, куропатки, черешневые сады, изумрудные виноградники... Голова просто кругом... от всех этих красот...

Да, не надо было столовые вина с портвейном мешать. Ох, не надо...

– Э, да вы батенька, пьяны! – Директор рынка презрительно и даже как-то брезгливо взглянул на ввалившегося в его кабинет Сергея, волочащего за собой помятый, как и он сам, саквояж. В дороге от жары и абсолютно бессмысленной, но столь приятственной дегустации крепких напитков его действительно малость разморило.

– А я думал, вы серьезные ребята. Бизнесмены. А вы так, пустобрёхи. – Ненадо махнул рукой.

Слышать такие беспочвенные обвинения Сергею было очень даже обидно. Он что ли сам себя спаивал. Да он вообще, по большому счету, не пьёт... Или почти не пьёт. Все ж ради дела. Ради общего дела!

Но директору рынка он был больше неинтересен. Ненадо даже не смотрел на него, а вытащив из сейфа пачку розовых бумажек, точно таких же, какие Сергей впервые увидел на винзаводе, стал пересчитывать их.

– Василь Михалыч, – робко подал он голос, – продайте мне их. Христа ради.

– Что? – Ненадо удивленно посмотрел на Сергея, словно впервые увидел его. – Как это продать? Это же подсудное дело. Ты что! Меня, да и тебя за такие махинации знаешь, куда могут отправить...

– Догадываюсь... Но что мне делать, что? – голос Сергея достиг дискантных высот. – Скажите, что у вас ценного купить можно. Дайте ответ. Не за купоны, не за карбованцы, а за полновесные, – для пущей убедительности он потряс саквояжем, – рубли.

– Ну, не такие уж они и полновесные, – возразил директор рынка. – Хотя... Желающие найдутся. А как ты смотришь, – помолчав, сказал он, – если мы вас картошкой затарим?

– Какой картошкой? – не понял Сергей.

– Молодой! У вас, такая, поди, еще через месяц-другой только появится. – Директор рынка даже оживился.

– Ты любишь картошку? – глядя в упор на Сергея, спросил он.

– Люблю, – растерянно ответил тот. – Правда, черешню я люблю больше...

– Ну, про черешню, ты, брат, забудь. А вот с картошкой я тебе помочь могу. – И Ненадо тут же стал кому-то звонить.

– В общем, так, – повесив телефонную трубку, обратился он к Сергею, – сегодня ты иди, проспись. Заработались вы, я гляжу, с Гришей. Да саквояж свой ценный где-нибудь по дороге не оставь, а завтра... Нет, послезавтра, – посмотрев в настольный календарь, поправился Василь Михалыч, – мы

с тобой поедем в одно венгерское село. Тут, недалеко. Там такая картошка созрела. Пальчики оближешь.

– Да! – окликнул он в дверях Сергея, – ты там своего водилу предупреди, чтоб машина готова была. А то я смотрю, он у тебя тут обжился, уезжать не захочет...

Похоже, Николай и впрямь за эти несколько дней, пустил, если не корни, то достаточно цепкие побеги в благодатную Закарпатскую почву. Из-под машины, которую он остался сторожить, долетали аппетитно щекочущие нос запахи жарящегося шашлыка. Густой дым выползал из-под тяжёлого брюха рефрижератора, и нежно обдувал его запылённые бока.

– Николай! – позвал Сергей. Тут же из-под машины выползло красное, обрюзгшее и густо заросшее грубой щетиной испуганное лицо.

Сергей даже сразу и не узнал в нём своего шофёра. Эка как его тут разнесло. А за ним, щурясь и доверчиво улыбаясь, смотрела на Сергея еще одна такая же обрюзгшая, только без бороды, малопривлекательная мордаха.

– Это моя Надя, – сказал Николай и крепко прижал к ключей щеке свою новую подружку, которая ну никак не смахивала на тех пышнотелых красоток, которыми обильно была обклеена кабина рефрижератора. Однако это нисколько не смутило Николая. Похоже, он был счастлив. Свиданка состоялась.

– Послезавтра едем. Приведи себя в порядок, – сказал

Сергей. Вид шофёра на него подействовал отрезвляюще. Он не на шутку перепугался, глядя, как на глазах тот деградирует и спивается. – И машину не спали, на чём обратно поедем...

12

Наступило утро, бесцеремонно пробравшись сквозь плотные шторы, оно ослепило Сергея южным безжалостным солнцем. Спать не хотелось. Вставать тоже. Самое время для душевных терзаний и творческих мук. Вот когда можно, подобно Васисуалию Лоханкину, спокойно и взвешенно порассуждать о высоком предназначении русской интеллигенции в эти непростые переломные для страны годы...

Ну как так получилось, что он, бывший научный сотрудник, моряк, а ныне член союза журналистов и вообще творческая личность, ценитель Моцарта и Пинк Флойд, так низко пал, что поддался на дурацкие уговоры своих сомнительных друзей и поехал неведомо куда неведомо за чем... И теперь ломает голову как отсюда привезти неведомо что и еще заработать на этом неведомо сколько. Впрочем, он тут же нашёл оправдание своему беспринципному поступку: не я один такой. Вон, сколько врачей, учителей и прочей бюджетной интеллигенции бороздят просторы ближнего зарубежья в надежде прокормить себя и своих близких. Ну, разве не ужасно, когда из-под полы бесформенно топорщащейся юбки бывшего учителя словесности, так возвышенно рассказы-

вавшей на уроках литературы о Наташе Ростовой, как идеале искреннего чувства, бдительный польский таможенник извлекает несчетное количество литровых флаконов со спиртом «Рояль». Да ещё, откровенно потешаясь над «летающей» походкой спалившегося педагога, пытающегося ложной хромотой пресечь предательский звон контрабандных бутылок, любезно «мовит»:

– А поворотись-ка ты пани. Что там ещё, в недрах своих многоярусных юбок сховала.

И та вертится. В надежде на его доброту и снисхождение. Что он, не человек, не понимает... Всем жить хочется. И Наташа Ростова здесь ни при чём!

– Вот именно! – сказал Сергей и резко вскочил с жёсткой раскладушки, которая тут же и сложилась. – Долой эти интеллигентские штучки. Нас ждут великие дела!

– Михай, – позвал он своего скромного компаньона. – А не пойти ли нам в Паланок?

– Куда? – не понял спросонья Михай.

– В замок, Паланок. Мне про него еще в армии ефрейтор Блажевский все уши прожужжал. Говорил, такого замка нигде больше нет. Сам-то он, правда, кроме Мукачево да Калининграда нигде не бывал. Но не верить ему нельзя.

Михай только недоуменно повел плечами.

– Замок, как замок. Ну, пошли, ежели жары не боишься.

До остроконечных башен крепости, взгромоздившихся на самой макушке единственной в городе горки, было, как каза-

лось, рукой подать. Но так только казалось. Они шли уже почти час, а гора и не думала приближаться. Замок манил их и дразнил одновременно. Так что, когда Сергей с Михаем наконец-то преодолели висячий мостик, под которым зиял глубокий ров, правда, без воды, то ощутили себя покорителями, если не Эвереста, то уж никак не меньше, чем Монблана. Крепость была взята. Одышка и мокрые футболки не в счет. Внизу, в густой зелени, лежал поверженный город. На который хотелось... плюнуть с этой высокой колокольни, в смысле – крепостной стены. На все проблемы и несчастья, свалившиеся на их голову. На Олега с его сумасшедшими идеями, на пьяного водителя рефрижератора, на директора рынка и его сомнительных компаньонов, да и на сам рынок тоже хотелось плюнуть. Особенно на тех «добрых» львовских старушек, обещавших снести им башку. Еще больше хотелось плюнуть на опостылевший саквояж с никому не нужной валютой, от которой Сергей никак не мог избавиться. Он с радостью зашвырнул бы его в этот бездонный ров, зияющий под ними. Хорошо, что дома оставил...

Замок был действительно большой. Это был даже не один, а несколько замков, построенных, подобно матрешке, один внутри другого, а точнее, над.... Его то завоёвывали, то отвоёвывали, а чаще – защищали. И все время усовершенствовали. О чём громко и выразительно рассказывали редкие

экскурсоводы, пытающиеся хоть как-то привлечь внимание своих малочисленных туристов. Из долетавших обрывков их былинных сказаний, вырисовывалась весьма запутанная история, в которой фигурировали и славянский, а может, и литовский, а может, и венгерский князь Федор Корятович, основательно попотевший над современным обликом замка ещё в четырнадцатом веке. И целая династия трансильванских князей Ракоци, ведущих своё начало от самого графа Дракулы, и тоже сделавших немало для современных туристов, дабы те могли эффектно сфотографироваться на фоне какого-нибудь архитектурного излишества. Ну и всякие там Габсбурги, Шенборны и прочие австрияки, превратившие неприступную крепость в заурядную, но тоже неприступную тюрьму.

А какие замечательные дамы обитали в этом замке: начиная с легендарной Илоны Зрини, сразившей своей гордой красотой даже австрийского генерала, который, увидав графиню на крепостной стене, изрёк историческую фразу: «Я простой солдат и привык биться с солдатами, а с красотой воевать не буду», и, заканчивая её кровожадной сестрицей – Софией Батори, с её барскими причудами принимать ванны, наполненные кровью тринадцатилетних девственниц.

– Ужас какой, – воскликнул, услышав эту леденящую душу историю, Михай, – где ж она столько девственниц нашла?

На что Сергей резонно ответил.

– Места знать надо! В горах наверно... – Он хотел ска-

зять ещё что-то возвышенное относительно красоты замка и природы, окружающей его, но произнёс помимо своей воли нечто более приземлённое:

– Ну, как ты думаешь, получится у нас с этой картошкой?

Даже Михай не ожидал услышать от своего компаньона столь не соответствующий месту и времени вопрос. И ободряюще ответил:

– Конечно, получится!

Похоже, их, в самом деле, зациклило на этом проклятом бизнесе. Они уже и думать больше ни о чем не могли. И чтобы как-то разрядить обстановку, отвлечь своего товарища от терзавших его мыслей, Михай потащил Сергея во двор Верхнего замка к вырытому, как утверждают очевидцы, еще при князе Фёдоре Корятовиче, глубокому колодцу.

– Бросай монетку, – приказал он Сергею.

Тот бросил. Колодец отозвался глухим эхом.

– Это чёрт ворчит, – сказал Михай.

– Кто? – не понял Сергей.

– Чёрт! – Михай расхохотался. Из всех историй, связанных с замком он знал только эту.

– В общем, дело было так, – стал рассказывать он Сергею. – Жил-был князь, ну этот Федя Корятович. И приказал он своим подданным колодец в замке вырыть. Потому, как сам знаешь, без воды и ни тудой, и ни сюдой... А попробуй его вырой, когда замок на горе стоит... Ищи дураков. Никто и рылом не ведет. Тогда Федя и говорит:

– Плачу мешок золота любому, кто колодец выроет. Хоть богу, хоть чёрту. Мне, говорит, фиолетово.

Тут и появился этот цыганенок. Маленький, чёрненький. Серой воняет.

В общем, ударили они с князем по рукам.

Ну, вырыл этот чертёнок колодец глубиной аж восемьдесят пять метров с чистойшей ключевой водой. Пришёл к князю. Говорит, плати, как договаривались...

Смотрит Федя, а у него в мешке золота-то почти не осталось. Одна мелочь на дне...

Что делать? Слово ведь дал. Хоть душу отдавай за честно выполненную чёртом работу.

А был у этого Корятовича слуга. Хитрый, зараза. И говорит князю.

– Ты Федя, горячку не пори. Покажи-ка лучше ваш с чёртом договор. Где, – говорит, – тут написано, про размер мешка? Нигде. Так чего ты душу свою грешную ему в морду суёшь?

В общем, сшили они маленький мешочек и положили туда пару оставшихся золотых монет.

– Всё, – говорят, – как договаривались.– Ты – колодец, я – мешок золота.

Понял чёрт, что его надули, и с горя в колодец сиганул. Вот теперь там и буянит. Золота требует.

– С нас, – сказал Сергей.

– Что? – не понял Михай.

– С нас, говорю, требует.

– Ну, брат, как тебя зациклило, – только и ответил Михай.

14

Ночью Сергею снился чёрт. Настоящий! Чёрненький, кудрявенький, с козьими рожками. Он хватал его за саквояж и кричал голосом Паниковского в исполнении Гердта: – Дай миллион!

– Да бери! – говорил Сергей и хлестал чёрта пачками купюр по розовому пяточку. – Всё бери! Всё!

Но чёрт продолжал кричать:

– Дай миллион! Дай!

К чему бы это? – подумал Сергей и проснулся.

Михай уже тоже не спал.

– Поедем вместе, – сказал он. Похоже, волнение Сергея передалось и ему.

В кабинете Ненадо их уже ждал маленький, смуглый с чёрными, как смоль, кудрями, немолодой мужчина. Ну, вылитый чёрт. Только пахло от него не серой, а навозом.

– Золтан, – представился он. И снял с головы выдавшую виды соломенную шляпу. Рогов не было.

– Ну что, едем?

Николай уже заводил свой помытый (где ему только удалось) рефрижератор. Да и сам, к удивлению Сергея, выглядел, как огурчик: свеженький, умытый, без щетины. Даже длинные кудри, еще вчера напоминавшие свалывшуюся пак-

лю, были тщательно расчесаны и аккуратно рассыпаны по плечам. Ну, вылитый Портос... Барсучий жир, наверно, помог, подумал Сергей и полез в кабину. Рядом сел Золтан, распространяя густой характерный запах... Лучше б уж серой пах, чем навозом, подумал Сергей, стараясь задержать дыхание. Михай же забрался в кузов. Он с опаской поглядывал на хлипкую башню из наваленных деревянных ящиков, первоначально предназначавшихся для черешни, ну а теперь для картошки. Быть погребенным под руинами этой сомнительной конструкции ему явно не хотелось.

– Не бойсь, – сказал Николай, – буду ехать аккуратно, но быстро, – и захлопнул массивную жаронепроницаемую дверь кузова.

Не прошло и получаса, как они, чуть попетляв по извилистой горной дороге, въехали в большую деревню, которую и деревней-то язык не поворачивался назвать.

– Да тут у вас, я смотрю, одни куркули живут, – ахнул Николай.

– Есть маленько, – откликнулся Золтан.

И впрямь село выглядело зажиточно. Все дома были как новенькие: один к одному, крепкие, коренастые с яркими черепичными крышами.

– Я сейчас, – сказал Золтан и выскочил из машины. Похоже, его уже ждали. Стоило ему снять шляпу и помахать ею, как во всех домах мигом распахнулись калитки. Получив отмашку своего командира, мужики чуть ли не наперегон-

ки бросились к остановившемуся посреди дороги рефрижератору, толкая впереди себя тяжелые тачки с рассыпающейся из дырявых мешков картошкой. Женщины бежали рядом, поднимали её с земли и запихивали обратно.

– По одному, по одному! – скомандовал Золтан. – Не суетитесь.

Мужики послушно выстроились в очередь. Кто-то уже притащил массивные весы и установил их в кузове грузовика. Кто-то проворно пересыпал содержимое мешков в сваленные на землю деревянные ящики. Работа кипела. Николай легко – вот же сила у человека – хватал ящик с картошкой, и ставил его сначала себе на выдающийся живот, а затем уже с живота на весы и, погремев увесистыми гирями, оглашал полученный результат:

– Восемнадцать килограмм, триста грамм!

– Двадцать два килограмма четыреста грамм!

После чего Михай брал взвешенный ящик и уносил его в бездонные недра грузовика. Самая же главная, самая ответственная роль казначея выпала Сергею. Он извлекал из глубин саквояжа пёстрые дензнаки и после нехитрых арифметических действий: сложения общего веса сданной крестьянином картошки и умножения полученного результата на стоимость одного килограмма вручал счастливчику внушительную сумму пока ещё пользующихся в деревне спросом рублей. С каким нескрываемым восторгом и искренней благодарностью в этот момент смотрели на него и мужики, и

бабы, ведь никогда ещё их труд, причем очень нелегкий труд, не оценивался так высоко. Перед ними стоял простой русский миллионер и щедро разбрасывался деньгами. Сергей впервые за эту поездку почувствовал прилив радости. Приятно было, чёрт побери, ощутить себя богачом, нуворишем, денежным мешком. То, что это не его деньги, в этот момент думать не хотелось. Он раздавал их налево и направо и видел себя Крезом.

Но в этот момент раздался резкий крик.

– Кто позволил? Почему без моего ведома? Прекратить это безобразие!

К машине бежал размахивая руками какой-то плохо одетый мужичок, смахивающий на сумасшедшего. Это был председатель колхоза.

– Что вы тут за базар устроили!– слету заорал он на Сергея, обдав его густым перегаром. – Немедленно убирайтесь отсюда, пока я милицию не вызвал!

– Ну всё... Опять двадцать пять...– подумал Сергей и спешно захлопнул саквояж. – Что ж это за напасть такая. И тут облом....

Председатель хотел еще что-то сказать, но его заглушил рёв возмущенных селян. Окружив своего начальника плотным кольцом, мужики стали оттеснять его к краю дороги. Там уже в боевой стойке стоял Золтан. Положив руку на плечо обессиленного в неравной борьбе председателя колхоза, он стал ему что-то объяснять. Похоже, тот всё понял и рети-

ровался...

– Ну, слава богу, пронесло, – подумали все и продолжили заниматься тем, чем занимались до появления председателя. То есть не вполне законным, но прибыльным промыслом.

Причём, те, кто уже успел получить за свой товар деньги, не спешили расходиться по домам, а бежали в соседские дворы помочь другим копать молодую картошку, грузить её на тачки и везти к стоящему посреди дороги грузовику. И все это быстро, споро, без лишнего шума. Ну, прямо как те муравьи в растревоженном муравейнике. Даже мешки с картошкой, которые мужики то и дело перетаскивали с места на место, смахивали на гигантские муравьиные яйца. Признаться, такой взаимовыручки Сергей ещё никогда раньше не видал. Здесь каждый считал своим долгом помочь соседу. И не только считал, но и поступал соответствующим образом, не требуя ничего взамен.

Денег в саквояже заметно поубавилось. Уже и Николай не так резво забрасывал на весы потяжелевшие ящики, Михай вообще спекся, и вместо него на погрузке работали добровольцы из числа селян, а поток жаждущих заработать шальные деньги не думал кончаться. Некоторые счастливики делали по два, три, а то и четыре подхода. Причем, если поначалу везли крупный отборный картофель, то в последующих ходках он становился всё мельче и мельче, сокращаясь до размера козьего помёта. Однако, если Сергей, Михай или даже Николай пытались забраковать некондиционные кор-

неплоды, то тут же на защиту обиженного вставало всё село. Спорить было бесполезно. И козий помет шел по цене отборной картошки. Гулять, так гулять...

Солнце было в полном зените, жара плавил асфальт и мозги. Сергей уже с трудом складывал, умножал и совершал другие незамысловатые арифметические действия.

– Пить! – выдохнул он пересохшими губами.

Тут же к нему подошёл крепкий загорелый мужчина с роскошными мажарскими усами.

– Пойдём ко мне домой, дам напиток, – приветливо улыбаясь, сказал он, – тут недалеко.

– Пошли...

Сергей осушил полкружки, когда понял, что это не вода...

Адам, так звали хозяина дома, весело расхохотался.

– Что, вкусная наша водичка? Колодезная...

– Вкусная, – ответил Сергей и тоже засмеялся. Такого приятного вина он ещё не пил. Даже во время недавней дегустации.

– Сами делаете? – спросил он Адама.

– Ага, – ответил тот. – Пойдем в погреб спустимся, покажу тебе свои владения.

Увиденная картина Сергея сразила наповал. Теперь было понятно, почему продукция Мукачевского винзавода не пользовалась спросом. Кому она здесь, нафиг, нужна?

Адам подвел его к тесно стоящим дубовым бочонкам.

– Шампанское, Мукачевское, Токаевское, Бычья кровь, –

стал он перечислять, хранящиеся в погребе вина. – От настоящих не отличишь, – заверил он Сергея. – Разве что лучше. – И снова громко расхохотался.

– Женат? – отсмеявшись, спросил он Сергея.

– Да, – ответил тот.

– И дети, наверно, есть?

– Дочка. Девять лет уже.

– Вот и приезжайте к нам, всей семьёй. Места много. К нам летом из Прибалтики многие едут. У вас там, небось, холодно, сыро. Ни вина, ни фруктов. Пускай дитя витаминов наберется. У меня свой виноград, персики, сливы, абрикосы. Ешь – не хочу. А природа какая! – Адам даже покачал головой. – Мы дорого не берём. Только за ночлег. А вино, фрукты, ешь – сколько влезет. Ну что, приедешь? – Он прижал Сергея за плечи и для пущей верности потряс? – Приедешь?

– Приеду, – кивнул головой Сергей. В тот момент он и впрямь был уверен, что на следующий год обязательно нагрянет сюда с женой и дочкой. Ему тут нравилось всё: и густо поросшие лесом горы, окружившие со всех сторон село, и возможность вот так, на халяву, пить божественное вино, закусывая душистыми персиками и сладким виноградом. Да и дом ему тоже нравился, особенно просторная летняя веранда с видом на горы. Ему был симпатичен и сам хозяин – большой, шумный, весёлый. И не только он, но и все селяне. Такие дружные, общительные, живые.

– Конечно, приедем. Обязательно приедем. Вот только ад-

ресок запишу...

15

Ну, вот и все... Машина загружена, деньги потрачены. Можно и домой возвращаться. Миссия выполнена!

– Конечно, черешней затариться было бы лучше, – вслух рассуждал Сергей, – зато картошка не так быстро портится. – Он был в некоторой растерянности, одобряют ли его смелый поступок друзья-компаньоны, и искал поддержки хотя бы в Николае. Вчерашний азарт, когда он так легко и щедро разбрасывался чужими деньгами, к утру выветрился. И его, как истинного интеллигента стали одолевать смутные сомнения: правильно ли он поступил. В ногах, свернувшись калачиком, лежал пустой саквояж.

А за спиной тяжело покачивался бездонный кузов рефрижератора, забитый до отказа молодыми корнеплодами, как бы успокаивая Сергея, что деньги потрачены не впустую.

– Искупаемся? – Николай кивнул в сторону сверкнувшего меж кустов озерца. – А то я после вчерашней картошки сам как будто только что из земли вылез.

Но купаться им не пришлось. Не успели они раздеться и робко зайти в воду, как заметили, что к их машине, крадучись и прячась за низкорослым кустарником, бегут голые парни. Накупавшись и очевидно хорошо приняв на грудь, они жаждали новых приключений...

– Бегом к машине! – скомандовал Николай.

Не успел Сергей впрыгнуть в кабину, как один из парней вцепился в дверцу и повис на ней, пронзая Сергея злым мутным взглядом. Николай уже завёл грузовик и тронулся.

– Стой! – парень не отпускал двери. Повиснув на них, он истошно и мерзко вопил. Сергей испуганно смотрел на него, словно старался переглядеть и инстинктивно хлопнул массивной дверью. Парень завыл и, хватаясь за покалеченные пальцы, скатился в кювет. А наперерез им, стараясь перекрыть выезд на дорогу, сжимая в руках увесистые булыжники, бежали остальные пацаны. Дело принимало не шуточный оборот.

– Стреляй! – крикнул Николай.

– Что? – не понял Сергей.

– Пистолет где?

Сергей быстро вытащил из сумки «браунинг», который ему настойчиво всучили ещё дома, и пальнул. Парень, бежавший первым, криво взмахнул руками и выронив камень завалился назад...

– Попал? – Сергей сам испугался, что натворил.

Но тот уже неуклюже встал и, прихрамывая, без прежнего азарта продолжил бег. Сергей выстрелил еще раз. Парни остановились. Словно побитые волки, смотрели они зло и трусливо на ускользящую добычу. Упустили!

– Конец третьего акта! – сказал Сергей, когда злополучное озерцо скрылось за поворотом.

– Что? – не понял Николай.

– Всё, говорю, по законам драматургии, как завещал великий Чехов. В первом акте мне вручили пистолет. В третьем он выстрелил. Антракт!

16

Калининград встретил их традиционным дождём. Возле продуктового магазина, на тёмных отсыревших ящиках из-под овощей, сидел закутанный в офицерскую плащ-палатку бесполоый продавец. За его спиной возвышались горы молодого картофеля. Очереди не было.

– Не может быть! – Сергей с ужасом взирал на эту сюрреалистическую картину, не желая поверить, что все это происходит наяву.

– Останови! – попросил он Николая и спешно прыгнул на тротуар.

– Почём картошка? – слёту спросил он продавца, в тайне надеясь услышать какую-нибудь заоблачную цифру.

Шторки капюшона раскрылись, в их проёме появилось сонное, шмыгающее красным носом унылое лицо.

– Тыща за кило? – сказало оно и снова скрылось в недрах плаща.

– Сколько? – Сергей не хотел верить услышанному. Как тысяча? Не может быть! Да они платили больше? Что ж это такое?

– Откуда у вас эта картошка? – стал трясти он кулич. – Где вы её выкопали? – Его самого уже трясло. И даже колотило.

– Что значит откуда. Из Польши, – донеслось из-под брезента.

– А она там что, растёт? Уже... – не унимался Сергей.

– Там всё растёт, – ответил кулич и раздраженно затряс остроконечным колпачком.

– Не надо паниковать! – Олег, единственный из друзей-компаньонов, кто в этой отчаянно-критической ситуации проявил выдержку. Офицер, всё-таки. – Попробуем её по овощным магазинам распахать. Картошка-то хорошая. Молодая. Ну, не вышло у нас на ней заработать. Но своё-то мы вернуть сможем. Как думаете?

– Сможем... – неуверенно поддакнули остальные.

– А документы у вас на вашу картошку имеются? – обескуражила их вопросом директор Московского универсама, дама крупная, дородная, опытная в коммерции. – Может, вы её украли. Или она у вас заразная. У вас же вообще ничего нет. Как же я у вас её приму?

Это был уже нокаут...

Промыкавшись весь день, катаясь по городу от одного овощного магазина до другого, им удалось распахать по мелким лавочкам около трёх тонн. Больше никому их молодая ядреная закарпатская картошка была не нужна.

– Все, мне пора домой! Накатались уже! – вдруг напомнил о себе, водитель грузовика. – Давайте сгружать её куда-нибудь.

Уже смеркалось, когда они заехали на какую-то самостий-

ную свалку, примостившуюся в конце Московского проспекта, и общими уже не человеческими сверх усилиями свалили туда оставшийся картофель. Тонн двенадцать, не меньше.

Домой Сергей приполз обессиленный и опустошённый. Никакой! Но ещё больше, чем физическая усталость его терзала страшная мысль, что в ближайшие дни он должен вернуть кредиторам должок – пять! миллионов рублей. Но где он их возьмёт? Где?

Сергей вынул из саквояжа пистолет, лёг на диван и стал крутить его, рассматривать, примерять... Вот что могло бы в одночасье решить все его проблемы. Только этот игрушечный газовый пистолетик для такого дела никак не годился. Тут нужно что-нибудь посерьезней.

И в этот момент в дом вошла жена с дочкой.

– Приехал! – Они вдвоем подбежали к нему, тепло и нежно прижались. И все черные мысли сразу куда-то убежали.

– Ну, как съездил? – спросила жена. – Черешню привёз?

– Неа, – виновато улыбаясь, ответил он, – картошку. Молодую.

– Ну и хорошо, – сказала Лена. – Сейчас к ужину сварим. У меня дома шаром покати. Есть нечего.

Сергей растерянно взглянул на жену. Как же он не подумал взять домой хотя бы пару килограммов этой злосчастной картошки. Совсем головы нет. Он вынул из кармана последнюю пятитысячную бумажку и со словами:

– Я сейчас вернусь, – побежал в магазин. За картошкой...

Биржевая лихорадка

Это рассказ о "веселых" 90-х годах.

Когда многие из нас мечтали стать миллионерами.

Но не стали...

У меня зазвонил телефон.

– Привет, – раздался на том конце знакомый голос. – Хочешь стать миллионером?

– Да, – сказал я. – Но пока что-то не очень получается...

– Получится, – успокоил меня голос в трубке. – Короче, ты что-нибудь слыхал про биржу «Фурор»?

– Ну-у... – я даже замахал свободной от трубки рукой, хотя Лёня, а это был именно он, мой старый товарищ ещё по тем временам, когда я, так же, как и он, бегал в народный театр, этого и не видел.

– Биржа меня не интересует.

За два последних года их столько развелось ... этих бирж, как собак нерезаных. От Москвы до самых до окраин. Сколько доверчивых сограждан бросили в их бездонные топки свои кровно заработанные тыщи в надежде урвать миллионы, а остались с носом, пустым кошельком и несбывшимися надеждами.

– Ты не спеши отказываться, лучше послушай, – продолжал напирать Лёня. – Поверь, дело верное. Пока ещё никто

не просёк... Акции будут только на следующей неделе в открытой продаже. А сегодня продаем только своим. По номиналу.

Я молчал...

– Да ты чего менжуешься, – пытался он меня дожать. – Через месяц ты свои акции в два, а то и в три раза больше продашь. Верняк. К тому же, с такой бумажкой ты и на бирже торговать сможешь...

– Продавать-то что, – не сдавался я, – от мертвого осла уши?

– Почему уши? Копыта, – засмеялся Лёня. – Да найдёшь, что... Вон, на следующей неделе у нас в городе польская выставка намечается. Знаешь, там сколько представителей всяких компаний будет. Предложи им свои услуги...

Я молчал...

– Да что ты за свои деньги так цепляешься, – перешёл на крик Лёня, – всё равно пропадут или сгорят на сберкнижке. А так в дело хоть пойдут... Ну, решайся!

– И сколько эта акция стоит? – дал я слабинку.

– Да копейки... Шестьдесят кусков.

– Сколько?! – В отличие от Лёни, цифра эта мне маленькой не показалась. Наоборот!

И всё-таки он меня додавил.

– Ладно, – покорно согласился я, – но мне их ещё со сберкнижки снять надо.

– Ну, так иди, снимай, – Лёня готов был ждать.

И я пошёл... Втайне я всё ещё надеялся, что или сберкасса будет закрыта, или денег в ней не окажется, или ещё что...

Но надежды оказались напрасными.

Я шёл на встречу с Лёней, бережно прижимая к груди увесистый сверток с деньгами. Мне так жалко было с ним расставаться, ведь это были все мои сбережения. Понятно, что и они каждый день обесценивались. Но всё равно, это были ещё хоть какие-никакие, а деньги. А что он мне предлагал взамен? Пшик ...

Я смотрел на этот пшик, стоивший мне шестьдесят тысяч рублей, напечатанный на самой простой ксероксной бумаге, даже без каких-нибудь водяных знаков, и ощущал себя кроликом, покорно идущим на заклятие к удаву. Ну как я мог согласиться на такую авантюру? Что это за ценная бумага, единственной защитой которой от подделки был размашистый автограф президента биржи «Фурор». Мало у нас дома таких же фантиков: всяких Хопров, Алис, эМЭМэМов, купленных и за ваучеры, и за реальные рубли, но не сделавших нас богаче. А теперь вот ещё и «Фурор».

Похоже, за минувшие годы я ничему так и не научился. Ну чем я, нынешний, отличаюсь от того восемнадцатилетнего балбеса, которого так мастерски развели в метро?..

Это была моя первая самостоятельная, без родителей, поездка в Москву. Мы жили на территории студенческой базы пединститута. В лесу. До города нужно было добираться на

электричке около часа. И хотя в спортивный лагерь я ехал с целью покататься на лыжах, ведь у нас в Калининграде такого снега мы отродясь не видали, но и побывать в столичных театрах мне тоже очень хотелось. Поэтому уже на следующий день по приезде я вместе с другими однокашниками отправился в столицу. В поисках билетов. И ведь достал! И в «Современник», и во МХАТ, и даже на Таганку. Почти все деньги потратил, но был на седьмом небе от счастья, что смогу целую неделю наслаждаться высоким искусством.

Я уже возвращался на вокзал, когда в метро ко мне подошёл молодой парень и, оглядываясь по сторонам, заговорщически спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.